Бабина Василина Александровна – аспирант ГОУ ВПО «Дальневосточная академия государственной службы» (Хабаровский край, с. Богородское).
E-mail: geopo@rambler.ru

Управление интеграцией приграничных региональных экономических систем

Статья освещает возможность оценки управления интеграционными процессами экономических систем приграничных территорий с точки зрения системного анализа. На примере Амурской области и провинции Хэйлунцзян дается анализ факторов достижения оптимума уровня управления и устойчивости экономических систем приграничных территорий.

Ключевые слова: оценка управления, интеграция, приграничная экономическая система, стратегия, Амурская область, провинция Хейлунзян.

Актуальность оценки управления региональными экономическими системами объективно связана с тем, что с развитием и углублением экономического федерализма расширяются права регионов в хозяйственной и финансовой сферах, а потому разработка программ и прогнозов развития региона в безопасном и устойчивом режиме как для страны, так и для самого региона – это первоочередная стратегическая задача. Экономическая система региона представляет собой продукт хозяйственной деятельности людей, определяемый внутренней и внешней средами.

С точки зрения системно-организационного подхода органы государственной власти (в целях защиты региональных интересов) призваны смягчать флуктуации региональной экономической системы, зарождающиеся на микроуровне, и вследствие самоорганизационных процессов, проявляющиеся на более высоких уровнях экономической системы. Антиэнтропийный эффект государственного регулирования, как правило, связывают со снижением издержек на получение информации, уменьшением трансакционных издержек, погашением очагов социальной напряженности, наличием четко регламентированных законодательством рыночных процессов и институтов [3].

В то же время, высокие ставки налогов, неэффективное распределение ресурсов, слабая законодательная база могут выступать генератором флуктуаций, повышающих энтропию в экономических системах. При этом, в процессе своего развития любая система проходит эволюционную (иначе называемую адаптационной) и революционную (скачок, катастрофа) стадии [3].

В рамках эволюционного процесса развития экономической системы последняя претерпевает постепенную трансформацию количественных и качественных элементов и параметров, в соответствии с которыми на определенном этапе произойдет выбор, выраженный управленческим решением либо в сторону адаптации системы к изменившимся условиям, либо

скачка, который резко сместит экономическую систему в ее эволюционном развитии назад или вперед.

В результате плавного эволюционного процесса экономическая система региона формирует новую структуру, соответствующую выбранному управленческому решению в процессе адаптации к меняющимся условиям внешней среды. Адаптация в развитии экономических систем характеризуется наличием механизмов, которые подавляют сильные колебания системы, порождаемые внутренней и внешней средами.

Однако в результате накопившихся и неразрешенных диспаритетов внутри самой экономической системы и между ее элементами, а также между ее внутренней структурой и внешней средой (соответствующие такому физическому явлению, как нарастание энтропии), способность системы к адаптации снижается и нарастает неустойчивость. В результате нарастания неустойчивости системы, она становится максимально уязвимой, что может привести к скачку даже при малейшем колебании, поскольку накопившиеся противоречия затрагивают системообразующие элементы экономики региона. В такой ситуации развитие экономической системы приобретает непредсказуемый хаотичный характер, так как разрушается основа управления – институциональная структура системы. Силу и направленность такого скачка можно прогнозировать, сделав ретроспективный анализ и анализ современного состояния системы, однако действие внешней среды может значительно усложнить, а то и сделать невозможным управление происходящими изменениями.

Таким образом, двумя основными параметрами развития экономических систем являются адаптивность и устойчивость. Так, абсолютно неустойчивая (открытая) экономическая система не сможет противостоять колебаниям, вызванным внешней и внутренней средами, так как постепенно снижается способность экономической системы к сохранению устойчивости. Абсолютно устойчивая (закрытая) экономическая система, подавляя любые колебания, не способна изменяться качественно и не может адаптироваться и развиваться. В таком случае, ее разрушение становится делом времени. Следовательно, экономику региона можно представить как сложную целостную систему с определенным набором элементов, образующих эту систему.

В условиях интеграции региональной экономической системы основными объектами управления являются такие системообразующие элементы, как трудовые ресурсы, экспортоориентированные и импортозамещающие отрасли (базовые), а также институционально-правовое устройство, бюджетно-финансовые институты. В качестве субъектов управления выступают юридические, физические лица, органы государственной власти данной территории, вовлеченные в процессы экономической интеграции.

С точки зрения оценки управления, целесообразно различать цель и функции развития региональных экономических систем. Функциями экономической системы являются самовоспроизводство (простое или расширенное), сохранение качественных параметров системы, адаптация к меняющейся внешней среде в условиях неопределенности глобальной

экономической системы. Цель региональной экономической системы региона заключается в том, чтобы достичь такого желаемого состояния развития элементов региональной экономической системы, которое бы отвечало стратегическим интересам хозяйствующих субъектов.

Внутренние элементы и внешняя среда экономической системы тесно взаимосвязаны. По сути, внутренние параметры экономической системы региона образуют ядро компенсационного потенциала и конкурентоспособности территории. В то же время, уровень конкурентоспособности определяется через призму внешней среды, действующей относительно данной экономической системы.

Особая роль в оценке управления экономической системой регионов отводится внешней среде, представленной межрегиональными и международными экономическими связями. Когда конкуренция осуществляется в рамках одного государства, то хозяйственные субъекты, в большей степени, подчинены общегосударственной системе управления элементами региональных экономических систем.

В то же время, в отличие от межрегиональных связей международные экономические связи продуцируют целый спектр более серьезных угроз самосохранению, развитию и адаптации, поскольку их субъекты, как правило, преследуют экономические интересы, которые вступают в прямое противоречие стратегическим управленческим целям. Это связано с тем, что международная внешняя среда характеризуется максимальной степенью неопределенности, изменчивости и неполнотой информации, что в отсутствии четких общепризнанных правил игры фактически сводит к нулю возможность управления наднациональной мировой экономической системой.

Сила взаимовлияния внешней среды и внутренних параметров в аспекте теории управления региональной экономической системой теоретически может быть описана двумя пограничными состояниями самой экономической системы.

В первом случае развитие экономической системы приграничной территории абсолютно не зависит от экспорта, импорта, система производств территории достаточна для удовлетворения внутреннего спроса и потребностей населения территории. Однако в подобной ситуации упущенная выгода хозяйственных субъектов территории, не участвующих в международной и межрегиональной торговле, максимальна, т. е. стремится к нулю и представляет собой случай полностью закрытой командной экономической системы.

Во втором случае развитие производств и прочих элементов хозяйственной системы полностью зависит от международной кооперации, т. е. экономическая система полностью открыта и не имеет никаких барьеров для перемещения товаров и услуг через границу.

И первый, и второй случаи являются лишь теоретическими предположениями, не встречающимися в реальной практике по вполне объяснимым причинам – невозможно удовлетворить все потребности человека и производить все виды продукции и услуг в рамках одной административно-территориальной единицы, поскольку человеческие потребности безграничны, а

ресурсы ограничены. Не существует территории, характеризующейся абсолютной зависимостью благосостояния населения от международной торговли, поскольку в таком случае теряется смысл государственных границ.

Хотя первое пограничное состояние (точка А) и является абсолютно устойчивым, однако оно объективно недостижимо (рис. 1). В то же время, абсолютная открытость экономики (точка В) характеризуется максимальной степенью неустойчивости.

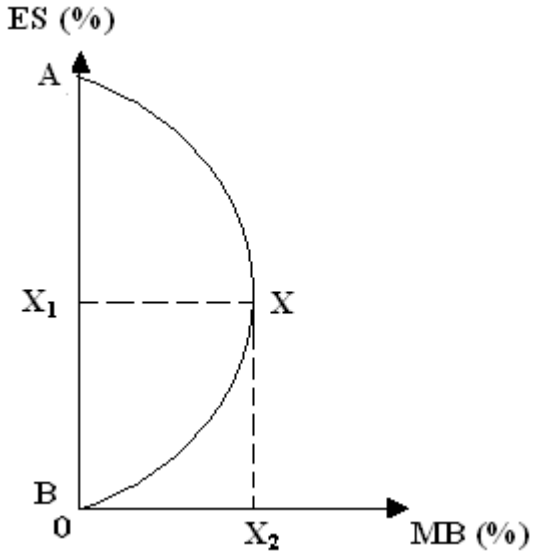

Рис. 1. Кривая устойчивости экономической системы приграничного региона

(На данном графике ось ES (%) (economic stability) – это уровень экономической устойчивости региона, ось MB (marginal benefit) – предельная выгода, которую получает региональная экономическая система в результате интеграционных процессов, X – точка оптимума, т. е. точка максимальной выгоды региона от интеграции с экономической системой приграничного региона при поддержании максимально возможного уровня экономической устойчивости).

Переход от первого ко второму пограничному состоянию обусловлен постепенным снижением уровня экономической самодостаточности хозяйственной системы региона и характеризуется следующими процессами:

- качественным и количественным сокращением производств и элементов хозяйственной системы, ориентированных на удовлетворение внутреннего спроса и потребностей населения региона;
- структурными сдвигами в экономике региона в сторону добывающей промышленности и производств с минимальной долей добавочной стоимости конечных продуктов;
- повышением зависимости от импорта продовольствия и готовой продукции;
- снижением институционально-правовой эффективности, инновационной активности;
-утратой управляемости и регулируемости;
- ослаблением финансово-страхового сектора.

Таким образом, степень вовлеченности региона в процесс интеграции с экономической системой соседней приграничной территории должна определяться нахождением оптимальной точки между уровнем ее устойчивости и той предельной выгодой, которую могут извлечь хозяйствующие субъекты территории в результате расширения интеграционного сотрудничества. На рисунке 1 – это точка X на кривой устойчивости экономической системы приграничного региона.

Все точки, лежащие на кривой в пределах отрезка AX, отражают ситуацию, при которой влияние интеграционных процессов снижает уровень устойчивости экономической системы приграничного региона. Точки, лежащие на кривой в пределах отрезка XB, свидетельствуют об упущенной выгоде, которая могла бы быть получена регионом в результате расширения международной интеграции, но с ущербом его экономической устойчивости.

Необходимо отметить, что в данной схеме, помимо устойчивости, ключевым концептом является понятие предельной выгоды, которое в системе оценки управления экономической системы представляет собой ни что иное, как дивергенцию (разрыв, диспаритет) между частными выгодами, являющимися результатом экономических решений субъектов управления данной экономической системы, и общественной выгодой всех хозяйствующих субъектов в условиях нарастания интенсивности воздействия внешней среды как элемента интеграции.

Противоречие между частными и общественными интересами (частный случай системной энтропии) очень подробно рассматривается такими учеными Кембриджской неоклассической школы, как Г. Сиджвик, А. Пигу.

Так, в рамках теории А. Пигу, уровень общего благосостояния (помимо благ и услуг, покупаемых за деньги) также включает состояние окружающей среды, досуг, условия работы и др., поэтому изменение уровня общего благосостояния возможно при неизменном уровне экономического благосостояния [9, p. 147]. В связи с этим, в своей работе «Экономическая теория благосостояния» А. Пигу подробно рассматривает случаи, когда деятельность предприятия и потребителя имеет «внешние эффекты» *(external effects)*, не имеющие денежного выражения, но влияющие на общественное благосостояние, т. е. эффекты, влияющие на общественные блага.

С одной стороны, предельная выгода от участия хозяйствующих субъектов в процессе взаимопроникновения приграничных территорий выражается в интересах каждого участника данного процесса получить предельную выгоду, т. е. доход от производства и реализации дополнительной единицы товара или услуги [5].

В отношении органов государственного управления региона интерес в получении предельной выгоды будет заключаться в создании такой хозяйственно-институциональной среды, при которой будет возможно максимизировать поступления в доходную часть бюджета территории и удовлетворение внутреннего спроса.

С другой стороны, получение предельной выгоды будет сопряжено с отрицательными внешними эффектами. При институционально-правовом

совершенстве, позволяющем оптимально настроить уровень управления, ограничениями будут являться административные и организационные барьеры расширения производства для извлечения предельной выгоды, при которой возможны отрицательные внешние эффекты, затрагивающие состояние общественных благ. В то же время, на практике такое совершенство едва достижимо, поэтому основным ограничителем выступает уже действующая административно-управленческая система. Интерес органов государственной власти региона в таком случае проявляется в недопущении такой ситуации, которая бы привела к увеличению предельных издержек, связанных с восстановлением и сохранением общественного благосостояния.

В целом, точка X на рисунке 1 представляет собой один из вариантов интерпретации оптимума Парето, при котором предельная выгода от участия хозяйствующих субъектов региона во взаимной интеграции приграничных региональных экономических систем не ухудшает общественное благосостояние и не связана с предельными издержками на его поддержание и рекреацию. Она характеризует ситуацию, когда на территории региона имеется оптимальное количество добывающих и перерабатывающих производств, развитая инфраструктура и институционально-правовое устройство.

Следовательно, оценка управления интеграционными процессами приграничных территорий основывается на оценке следующих параметров:

1) максимизация предельной выгоды, получаемой хозяйствующими субъектами экономической системы приграничного региона в результате интеграционных процессов;

2) минимизация отрицательных внешних эффектов, связанных с интеграционными процессами;

3) оптимизация институционально-правовой среды как основы развития интеграционных процессов.

В региональном измерении расстояние AX на рис. 1 характеризует такое состояние экспортоориентированных и импортозамещающих отраслей, а также элементов экономической системы, при котором их дальнейшее развитие и вовлеченность в процессы двусторонней интеграции негативно сказывается на состоянии общественных благ, и ведет к ограничительной политике в сфере ВЭД. Система управления в точке А соответствует укладу командной экономики.

Отрезок BX на рис. 1 описывает ситуацию предельной выгоды от процесса интеграции, сопровождающуюся снижением экономической устойчивости территории. Такая ситуация возможна при недостаточной развитости экономической системы в целом, когда под давлением внешних факторов происходит деформация и деградация базовых производств, резко понижаются возможности обеспечить внутренний спрос на стратегически важные товары, теряются традиционные рынки сбыта продукции местных производств. Система управления в точке А является абсолютной либеральной несамостоятельной экономической системой.

При этом, сила влияния внешней среды на экономическую устойчивость тем больше, чем меньше собственное экономическое развитие территории и

межрегиональных связей, т. е. амплитуда изгиба кривой тем сильнее, чем выше конкурентоспособность и компенсационный потенциал территории.

Объективно рост интеграционных процессов между регионами различных стран способствует развитию взаимодополняющих отраслей экономики, созданию общего рынка товаров и услуг, капиталов и рабочей силы, позволяя каждой стране и региону занять свое место в международном разделении труда. Интеграция является базовой компонентой такого понятия, как адаптивность. Однако на первых стадиях развития межрегиональные интеграционные процессы носят стихийный характер и не имеют достаточной договорно-правовой базы. Складывается ситуация, которая может не отвечать стратегическим задачам экономического развития, а, следовательно, интересам стратегического развития экономической системы региона.

Так, Дальний Восток России традиционно рассматривается китайскими учеными в рамках теории комплементарности развития территорий, т. е. как основная база сырья и ресурсов для расширения производств на территории КНР. В результате, в отсутствии единой внешнеэкономической стратегии с российской стороны и при наличии достаточно продуманной политики с китайской стороны в российско-китайской внешнеэкономической кооперации не получили должного развития такие формы прогрессивного сотрудничества, как давальческая переработка и сборка, ввоз оборудования в уставные фонды предприятий с иностранными инвестициями [6, с. 101]. Во внешней торговле между российскими Дальневосточными регионами и Китаем сохраняется и усиливается тенденция к экспорту продукции ТЭК, черных, цветных металлов и древесины, сужается его товарная номенклатура [1] (рис. 2):

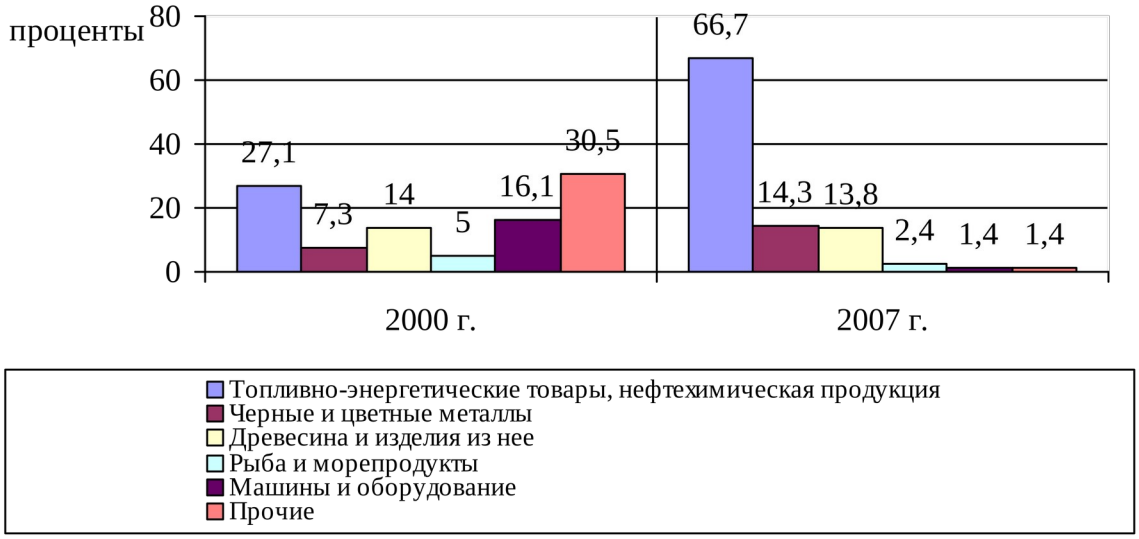

Рис. 2. Товарная структура экспорта ДВФО в КНР

Кроме того, доля внешнеторгового оборота с КНР регионов, находящихся непосредственно на границе с Китаем, в среднем за последние пять лет составляет 74% для Еврейской автономной области, 70% – для Амурской области, 47% – для Хабаровского края, 33% – для Приморского края. Доля КНР во внешнеторговом обороте Амурской и Еврейской областей, которые в

отличие от Хабаровского и Приморского краев граничат только с КНР, составляет более двух третей всего внешнеторгового оборота.

Общая оценка внутренних параметров Амурской области позволяет говорить о том, что на развитие и трансформацию экономической системы региона в значительной степени влияет развитие международной экономической интеграции с провинцией Хэйлунцзян в условиях недостатка внутреннего потенциала и конкурентоспособности для извлечения предельной выгоды от внешнеторгового сотрудничества.

С 1991 года Амурская область подписала около 20 соглашений с провинцией Хэйлунцзян, основным из которых можно считать «Соглашение о развитии и укреплении торгово-экономических, хозяйственных и культурных отношений между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян», на базе которого в последующем подписывались протоколы о намерениях и рамочные соглашения. Однако большинство этих документов не было реализовано. Кроме того, отсутствие единой позиции, которая бы определяла модель интеграции российских приграничных регионов в экономику КНР на федеральном уровне, значительно осложняет определение этой стратегии на региональном уровне. Стратегические ориентиры пространственного развития и сотрудничества Дальнего Востока и КНР определены только в рамках нескольких двусторонних соглашений, договоров и планов, среди которых наиболее важное место занимают «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» [2], План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005 – 2008 гг.) [8].

В отличие от российской стороны подход КНР к развитию приграничных регионов, в том числе приграничной к Амурской области провинции Хэйлунцзян, отличается достаточной степенью проработанности. В новом экономическом районировании провинция Хэйлунцзян отнесена к группе центральных экономических районов, в которой с 1990-х годов в рамках программы экономического развития, разработанной специально для данной провинции, осуществляется стратегия «открытости приграничных районов», заключающаяся в товарной экспансии на внешних рынках, экспорте рабочей силы, импорте сырья и высоких технологий [6, с. 43]. В новой системе районирования из всех северо-восточных провинций Китая только провинция Хэйлунцзян максимально ориентирована на экономические отношения с Дальним Востоком России [6, с. 216].

Амурская область, как и весь Дальний Восток, представляет интерес для Хэйлунцзян с точки зрения решения собственных проблем экономического развития. Во-первых, как один из основных объектов внешнеторгового сотрудничества, Хэйлунцзян стремится увеличивать экспорт своей продукции за счет расширения номенклатуры, сети экспортных производств, повышения конкурентоспособности экспорта, тем самым, привлекая крупные предприятия из Центрального и Восточного Китая для создания новых и модернизации старых промышленных предприятий. По мнению китайских специалистов, Дальний Восток России становится «горячей точкой» международного

экономического сотрудничества [7, с. 26]. В связи с этим в 1998 г. учреждена Харбинская зона экспортной обработки товаров для России (производство новых видов продукции для России и налаживание технико-экономического сотрудничества) [6, с. 222]. Кроме того, Институт России Хэйлунцзянского АОН разработал концепцию стратегической эскалации торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с Россией, в июле 2000 г. изданы Законы «О политике преференций в зоне приграничного торгово-экономического сотрудничества Хэйхэ», «О политике преференций в зоне взаимной рыночной торговли приграничного населения Китая и России островов Большой Хэйхэ» [4, с. 62].

В результате такой политики основой экспорта Амурской области в Хэйлунцзян стали сырьевые ресурсы (98% – круглый лес), а импорта – сельскохозяйственная продукция (10%), товары народного потребления (25%), продукция машиностроения (50%), вследствие чего произошло усиление сырьевой зависимости в экспорте продукции, а также продовольственной зависимости в части обеспечения населения стратегически важными продуктами питания.

С точки зрения оценки управления интеграцией экономических систем приграничных регионов, если преимущества, получаемые хозяйственными агентами можно оценить уже в краткосрочной перспективе, то оценка в отраслевом и видодеятельностном (согласно новой статистической классификации) масштабах, а также общественного благосостояния – это задача, напрямую связанная со стратегическим управлением и долгосрочным прогнозированием каждого системообразующего экономического параметра.

Литература и источники:

1. Дальний Восток – Экспорт и импорт по товарным группам // [офиц. сайт] http://dvtu.customs.ru/ru/statistics/detail.php?id695=4096&i695 2007. (05.09.2008 г).

2. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной республикой от 16 июля 2001 г. № 9-ФЗ // Правовая система Гарант.

3. Ерохина, Е. А. Теория экономического развития: системно-синергетический подход //http://orel.rsl.ru/nettext/economic/erohina/2-4.html

4. Ни Цзянпин На встречу новому подъёму регионального сотрудничества между Китаем и Россией. Взгляд вне рамок старых проблем: опыт российско-китайского пограничного сотрудничества : материалы славянского исследовательского центра / Ни Цзянпин . – Саппоро : Ун-т Хоккайдо, 2005. – № 52. – 547 с.

5. История экономической мысли. Курс лекций. -http://polbu.ru/economy_history/ch30_all.html

6. Ларин, В. Л. В тени проснувшегося дракона: российско-китайские отношения на рубеже 20 – 21 веков / В. Л. Ларин. – Владивосток : Дальнаука, 2006. – 424 с.

7. Ли Чуаньюн Ретроспективный взгляд на политику Дальнего Востока России в отношении Китая и виды на будущее / Ли Чуаньюн // Китайские международные отношения. – 2000. – № 6. – С. 124.

8. План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005 – 2008 годы): от 14 октября 2004 г. // Правовая система Гарант.

9. Arthur Cecil Pigou. The Economics of Welfare. – London: Macmillan and Co. – 427 p.